

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 86–97. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-86-97

ИСТОРИЯ НАУКИ

ВКЛАД ГУРИЯ КОМИССАРОВА В ТЕОРИЮ БОЛГАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

*Алексей Петрович Леонтьев*¹

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-8798-8132
e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Леонтьев А.П., 2025

Аннотация. В статье рассматривается вклад одного из основоположников чувашской исторической науки Гурия Ивановича Комиссарова в изучение этногенеза чувашского народа. В советский период его научные труды замалчивались, находились в «спецхране»¹, его изредка цитировали лишь как этнографа – автора очерка «Чуваши Казанского Заволжья», хотя это сочинение имело подзаголовок «историко-этнографический». Цель работы – проанализировать научную деятельность Гурия Ивановича и на этой основе доказать, что ученый был убежденным сторонником теории болгарского происхождения чувашей. Материалами исследования послужили изданные при жизни сочинения Г.И. Комиссарова и его рукописные труды, а также вновь выявленные документы, хранящиеся в архивах. Использовались принципы историзма, объективности и системности, а также следующие методы: описательный, аналитический, сравнительно-историко-генетический, фактологический. Описательный метод применялся для первичного анализа обнаруженных материалов и их характеристик; аналитический метод позволил воссоздать последовательность событий, объективно оценить деятельность отдельных личностей в преследовании Г.И. Комиссарова и искажении его теоретической концепции; сравнительно-историко-типологическим методом показано, что в работах исследователя, написанных в разные периоды, совпадают основополагающие концепты касательно проблем этногенеза и формирования чувашского народа; фактологическим методом обобщены результаты анализа, проведенного другими мето-

¹ Спецхран (отдел специального хранения) – в СССР специальный отдел в библиотеке, режимный объект, доступ к которому был ограничен. В этих отделах находились издания, ознакомление с которыми широкой публики считалось нежелательным по идеологическим соображениям, а также отнесенные по различным соображениям к категории «Для служебного пользования» или «Секретно».

дами. Главным итогом работы стал вывод о том, что Г.И. Комиссаров во всех своих сочинениях придерживался теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности.

Ключевые слова: история чувашского народа, этногенез чувашского народа, научные труды Г.И. Комиссарова, М.П. Петров (Тинехпи), В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев.

Для цитирования: Леонтьев А.П. Вклад Гурия Комиссарова в теорию болгарского происхождения чувашского народа // Российская тюркология. 2025. № 1–2 (45–46). С. 86–97. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-86-97.

Guriy Komissarov's contribution to the theory of the Bulgarian origin of the Chuvash people

*Aleksey Petrovich Leontiyev*¹

¹ Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Candidate of Historical Sciences, Researcher

ORCID: 0000-0002-8798-8132

e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© IL RAS, 2025

© Leontiyev, A.P., 2025

Annotation. The article examines the contribution of a founder of Chuvash historical science, Guriy Ivanovich Komissarov, to the study of the ethnogenesis of the Chuvash people. During the Soviet period, his scholarly works were hushed up and kept in a “special archive”; he was occasionally cited only as an ethnographer – the author of the essay “The Chuvash people of the Kazan Trans-Volga Region”, although this work was subtitled as “historical and ethnographic”. The aim of the article is to analyze the scholarly work of Guriy Ivanovich and, on this basis, prove that he was a staunch supporter of the theory of the Bulgarian origin of the Chuvash people. The research materials include works published during the scholar's lifetime and his handwritten works (/manuscripts), as well as newly discovered documents stored in archives. The principles of historicism, objectivity and systematicity were used, as well as the descriptive, analytical, comparative-historical-genetic and factual research methods. The descriptive method is used for the initial analysis of the identified data and their characteristics; the analytical method allows for a more profound understanding of the sequence of various events and an objective assessment of the actions of certain individuals in the persecution of G.I. Komissarov and the distortion of his theoretical concepts. The comparative-historical-typological method demonstrates the similarities between the researcher's fundamental concepts in studying the problems of ethnogenesis and the formation of the Chuvash people in his works from different periods. The factual method synthesizes the results of analysis conducted using other methods. The main result of the study is the conclusion that G.I. Komissarov adhered to the theory of Bulgar-Chuvash linguistic and ethnic continuity in all his works.

Key words: history, ethnogenesis of the Chuvash people, scientific works of G.I. Komissarov, M.P. Petrov (Tinekhpi), V.F. Kakhovsky (/Kakhovskiy), V.D. Dimitriev (/Dimitriyev).

For citation: Leontiyev, A.P. Guriy Komissarov's contribution to the theory of the Bulgarian origin of the Chuvash people // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 86–97. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-86-97.

Введение

В советский период труды исследователей, подвергшихся идеологическому осуждению и получивших клеймо «неблагонадежный», «буржуазный националист»,

«миссионер» и пр., систематически исключались из научного оборота и длительное время пребывали в забвении. В чувашской науке к числу таких «отверженных» прежде всего относятся Г.И. Комиссаров² и Н.В. Никольский³. Упоминания об их работах носили эпизодический характер и использовались, главным образом, для того, чтобы еще раз «продемонстрировать» их чуждость советской науке.

В фундаментальной, выдержавшей четыре переиздания монографии «Происхождение чувашского народа» ее автор В.Ф. Каховский, непоколебимый сторонник болгарского происхождения чувашского этноса, вышеназванным неблагоприятным делом не занимается, однако упомянутых нами исследователей не цитирует даже в главе об историографии проблемы этногенеза чувашской народности. Цитата Г.И. Комиссарова приводится в главе «Древнейшие предки чувашей в Азии»: ученый предполагал, что название *чăваш* ‘чуваш’, не поддающееся филологическому объяснению, «весьма древнее слово, связанное, возможно, с образом жизни или местожительством, или именем родоначальника» [Каховский 2017: 146]. В.Ф. Каховский ссылается на Г.И. Комиссарова еще несколько раз как на этнографа, впервые указавшего в своей монографии «Чуваши Казанского Заволжья» на местообитание трех основных групп чувашей: верховых, средненизовых и низовых. Кроме того, В.Ф. Каховский замечает, что Г.И. Комиссаров, «считая чувашей потомками болгар, утверждал, что они не являются чистыми тюрками, а “представляют скорее смесь тюрков с финнами, с преобладанием тюркского элемента”» [Каховский 2017: 52]. Отсюда получается, Г.И. Комиссаров не являлся сторонником концепции чувашских болгаристов в полной мере. Весьма вероятно, что В.Ф. Каховский просто не был знаком с монографией Г.И. Комиссарова «Чăваш халăхĕн историйĕ (История чувашского народа)» (далее – «История чувашского народа»).

Результаты исследования

Между тем Г.И. Комиссаров, выпускник Симбирской чувашской учительской школы и Уфимской духовной семинарии, в 1908–1913 гг. студент Казанской духовной академии, уже в работе «Чуваши Казанского Заволжья» однозначно позиционировал себя в качестве убежденного сторонника версии болгарской теории этногенеза чувашей. «Известны *три гипотезы о происхождении чуваш*, – пишет автор. – Госпожа Фукс⁴ считает чуваш за *древних хазар*, Сбоев⁵ – за *буртас*,

² Комиссаров (Вандер) Гурий Иванович (3 октября 1883 – 25 февраля 1969) – историк, этнограф, фольклорист, писатель, публицист, переводчик, литературовед, языковед, педагог-методолог, философ.

³ Никольский Николай Васильевич (19 мая 1878 – 2 ноября 1961) – просветитель, ученый-энциклопедист: этнограф, историк, лексикограф, фольклорист, лингвист, переводчик, статистик; организатор высших школ, общественный деятель; доктор исторических наук (1916, 1947), профессор Казанского университета, Казанского восточного педагогического института, Марийского педагогического института. Основатель первой газеты на чувашском языке «Хыпар» (Весть) (1906–1907). Известен также как музыковед и знаток народной медицины.

⁴ Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1840.

а позднейшие исследователи Н.И. Ильминский, [В.В.] Радлов, [А.А.] Куник, Н.И. Ашмарин⁶, Н.В. Никольский⁷ – за *болгар*» [Комиссаров 1911: 315].

При кратком ознакомлении с основными тезисами версий А.А. Фукс и В.А. Сбоева Гурий Иванович как бы даже соглашается со вторым автором, расширяя его версию. Так, он полагает, что «можно считать за достоверное, несомненно говорящее в пользу хазарской гипотезы о происхождении чуваш то, что чуваша жили в древности гораздо южнее, чем живут теперь, но были оттеснены впоследствии другими народами к северу. Едва ли не справедливо и то, что печенежские полчища, наводившие страх на славян, состояли, если не из чуваш тогдашнего времени, то во всяком случае из представителей в высшей степени родственного чувашам племени» [Комиссаров 1911: 316].

Г.И. Комиссаров не относит печенегов к особому народу, для исследователя они «не кто иной, как “казаки” того времени, самые отчаянные люди, бежавшие в степи для свободной и разгульной жизни», так как, считает автор, «самое название их “печенег” совпадает с чувашским словом “пёчченех”, что значит “только один”, а это последнее выражение указывает на одинокую, уединенную, оторванную от остального общества жизнь. В этом смысле слово “печенег” тождественно со словом “казак” (козак), которое представляет несколько искаженное русским произношением тюркское, в частности чувашское слово “хосах”, что значит “одинокий”, свободный, несвязанный, в переносном смысле – холостяк, несвязанный узами брака» [Там же]. Автор размышляет, что «печенеги могли быть и, вероятно, были уже во времена существования хазарского царства, но особенно увеличилось число их после разрушения хазарского царства русским князем Святославом (942–972), когда свободолюбивые хазары, не желая жить под игом чуждого завоевателя и горя мстью к нему, бежали в степи и образовали большую шайку. <...> Мы должны предположить, что хазары и печенеги или были теперешними чувашами, или весьма близким им по крови племенем» [Комиссаров 1911: 317].

Как видно, для Г.И. Комиссарова печенеги – не этнос, а социальная группа, типа маргинального слоя хазарского народа (о «печенегах» будет еще сказано далее, потому как именно приведенная Г.И. Комиссаровым трактовка впоследствии сыграла с ним злую шутку).

Что касается третьей, болгарской, гипотезы, то Г.И. Комиссаров выделяет ее как более обоснованную, чем первые две, и уверен, что «недаром за нее держатся все наиболее компетентные исследователи чувашей» [Комиссаров 1911: 317]. Гурий Иванович приводит следующие аргументы в пользу этой гипотезы: во-первых, болгары были, как и чуваша, смешанного тюркского племени; во-вторых, чуваша живут в пределах бывшего [Волжско-Камского] Болгарского царства; в-третьих, тюркские слова в венгерском языке имеют чувашские окончания, однако известно, что эти слова могли войти в язык мадяров после переселения в Венгрию около 970 г. приволжских болгар, основавших на берегу р. Дуная город

⁵ Сбоев В. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. – Казань, 1851.

⁶ Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. – Казань, 1902.

⁷ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. – Казань, 1911.

Пешт; в-четвертых, имена числительные в древнем языке балканских болгар напоминают чувашские имена числительные; в-пятых, язык болгарских надгробных надписей тождествен с чувашским (так, числительные «семь», «восемь», «сто» в надписях имеют чувашское произношение, отличное от общетюркского); и, в-шестых, луговые черемисы до сих пор называют татар словом «суас», равносильным названию «чуваш» (*чăваш*), что объясняется тем обстоятельством, что черемисы смешали татар с болгарями-мухаммеданами, которых они считали за чувашей. Ученый резюмирует: «Мы ограничимся пока этими данными в пользу болгарской гипотезы происхождения чуваш. Нетрудно заметить, что доводы в пользу этой гипотезы в высшей степени убедительны. Лишь одно серьезное затруднение представляет вопрос об отождествлении чуваш с болгарями: это – недостаток в сведениях о самих болгарях. Кто такие были болгары: был ли это один народ или этим именем обозначался целый союз народов, составлявших одно царство при р. Волге или Итиле (Ателе)?» Далее автор задается вопросом: какой из существующих теперь народов играл наибольшую роль в исторических судьбах болгарского государства, создал культуру и был передовым? Таким народом Г.И. Комиссаров считает теперешних чувашей [Комиссаров 1911: 317–318].

Полемизируя с казанско-татарскими авторами, Г.И. Комиссаров приводит, на его взгляд, убедительные доводы, опровергающие отождествление теперешних казанских татар с болгарями, т. е. господствовавшим в Великой Болгарии народом. «Чувашенин, принявший мухаммеданство, уже стыдится именоваться чувашенином и говорить по-чувашски, а называет себя татаринном, – с горечью констатирует исследователь. – <...> Такое отождествление мухаммедовой веры с понятием “татарин” объясняется, вероятно, тем, что при хане Узбеке (первая половина XIV в. – прим. авт.) мухаммеданство в Золотой Орде было объявлено господствующей религией, и татары-монголы в большом количестве приняли его, так что после этого ислам стал отождествляться с именем “татарин”. Благодаря настоящим татарам-колонистам и торговцам оживилось начавшееся еще до пришествия татаро-монголов дело распространения ислама в пределах бывшей Великой Болгарии. Случилось так, что и здесь, в сменившем Болгарское Казанском царстве, исповедников этой религии начали называть просто “татарами”, невзирая на народность самих исповедников ее. Впоследствии русские власти не постарались разобраться в понятии “татарин” и официально закрепили наименование “татары” за инородцами-мухаммеданами, хотя последние и не были татарами в смысле племенном. По метрическим книгам церковей Казанской епархии можно доказать с достоверностью, что к западу от реки Свияги не было татар совсем, а в настоящее время числится значительное количество татар к западу от Свияги, в Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и Тетюшском уездах. Оказывается, все это чувашаи, переименованные в татары по принятии ими или отступлении их в ислам. Перед покорением Казани много чувашей жило вблизи Казани, главным образом в Арском округе. Впоследствии здесь не осталось ни одного чувашенина». Таким образом, полагает автор, с чувашами приходится отождествлять не только господствовавший в Волжской Болгарии народ, но и самих казанских татар. «Скажут: как же в таком случае язык татарский отличается от чувашского? На это нужно сказать, что казанско-татарский язык, имея много общего с чувашским, отличается от настоящего татарского наречия, каковым следует

считать наречие кавказских и сибирских татар. Очевидно, наречие казанских татар образовано в Казанском царстве от настоящего татарского наречия, которое было принято в употребление чувашами и другими обитателями бывшего Болгарского царства, обращенными в мусульманство, и которое, естественно, подверглось изменению. Эти обстоятельства не оставляют сомнения в том, что чуваша имеют почти исключительное право на то, чтобы считаться потомками того народа, который играл важнейшую роль в [Волжско-Камской] Болгарии» [Комиссаров 1911: 319–321].

Концепт Г.И. Комиссарова о версии этногенеза чувашей предельно ясен. А по существу проблематики Гурий Иванович всего-навсего использовал уже известные в научном мире постулаты. Будучи членом-корреспондентом Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском императорском университете, начинающий ученый-компаративист был знаком с трудами не только «собственно чувашских» исследователей, например, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и «примкнувшего» к ним Н.И. Ильминского (идейного вдохновителя разработчиков чувашского алфавита на основе кириллицы И.Я. Яковлева, В.А. Белилина, С.Н. Тимрясова, А.В. Рекеева), но и других ученых, например, профессоров казанских вузов И.Н. Смирнова, Н.Ф. Катанова (руководителя его дипломной работы), И.В. Износкова, П.И. Кротова, Н.Н. Фирсова, К.В. Харламповича и др., абсолютное большинство которых придерживались болгарской теории происхождения чувашей.

С 1913 г., после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия, вплоть до Февральской революции Гурий Иванович работал помощником инспектора Уфимской духовной семинарии и учителем словесности во 2-й уфимской (частной) гимназии. В этот период он написал несколько статей по истории православия в контексте миссионерского просвещения чувашей. Весной 1917 г. по его инициативе создается Уфимское чувашское общество, где он проявляет себя как блестящий организатор и публицист, являясь внештатным автором возрожденной чувашской газеты «Хыпар» («Весть» (Казань)) и уфимской периодики.

Одновременно Гурий Иванович начинает писать книгу об истории чувашского народа. Как в 1911 г. «Чуваши Казанского Заволжья» вызвали настоящий фурор среди читающей публики, в особенности среди молодой чувашской интеллигенции, упорно и настойчиво ищущей свои корни в дебрях этнической истории Среднего Поволжья, так и его второй по значимости труд, притом на чувашском языке, «История чувашского народа», выпущенный с небывалым для тех времен тиражом в 10 000 экземпляров [Комиссаров 1921] и разошедшийся в считанные месяцы, стал настоящим бестселлером в 1920-е гг.

Возникает закономерный вопрос: а что случилось дальше? Ответ прост: в 1930 г. идеологи Чувашской ассоциации пролетарских писателей окончательно и бесповоротно включили *Вандера* (литературный псевдоним ученого как прозаика, поэта, драматурга, критика и литературоведа) в группу чувашских буржуазно-кулацких писателей, а... *Комиссарова* – в число национал-шовинистических литераторов [Кели 1930: 21]. По какой причине фамилию и псевдоним автор статьи решил «развести», нам неизвестно. И не разберешься, который из них – Вандер или Комиссаров – был опаснее и вреднее для укоренившегося в совет-

ской культуре метода социалистического реализма. Но определение «идеологических пристрастий» Гурия Ивановича имело далеко идущие последствия, поскольку такие судьбоносные для чувашских писателей ярлыки не могли появляться без согласования с агитпропом. Последняя его публикация, сделанная в Чувашии, – статья в журнале «Халăха вĕрентес ёс» («Народное образование») в 1930 г. [Комиссар: 1930].

Однако еще до этих печальных событий в Чебоксарах, столице Чувашской АССР, усилиями историков, занимавших в культурно-просветительной сфере руководящие посты, начинается процесс отстранения Г.И. Комиссарова от научной деятельности. В первую очередь – в области истории чувашей. Подоплеку этого *casus belli* спустя годы (25 марта 1958 г.) раскрывает сам Гурий Иванович в письме к ученому секретарю Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (ныне – НА ЧГИГН) В.Д. Дмитриеву: «Труд “Чăваш халăхĕн историйĕ” в 3-х книгах не окончил потому, что работу эту отбил у меня покойный М.П. Петров» [НА ЧГИГН: У: 33].

Считаем необходимым уделить отдельное внимание книге «История чувашского народа» [Комиссаров 1921]. В выражении «работу отбил у меня покойный М.П. Петров» ключевое слово, безусловно, «отбил». В письменных источниках мы пока еще не нашли свидетельств, проливающих свет на непростые взаимоотношения М.П. Петрова (Тинехпи) и Г.И. Комиссарова, но косвенные подтверждения имеются.

Если работы «Чуваши и болгары» Н.И. Ашмарина или «Краткий конспект по этнографии чуваш» Н.В. Никольского пользовались особенно широкой популярностью в среде научной и церковной интеллигенции, то написанный доходчивым, простым языком, тем более на чувашском, труд «История чувашского народа» Г.И. Комиссарова стал, как мы выше уже говорили, настоящим бестселлером среди грамотных чувашей. В предисловии к нему автор отмечает: «О древней жизни чувашей можно найти некоторые сведения на русском языке, однако до сих не было книги под названием “История чувашей”. Энтри Турхан в прошлом году (1917) в газете “Хыпар” опубликовал на чувашском языке очерк под названием “История чувашей”. Но автор не сумел написать подлинную историю: рассказал только о народах, от кого якобы произошли наши предки. Следовательно, нужно отметить: у нас нет на чувашском языке книг, повествующих о нашем народе» [Комиссаров 2020: 294].

Читатели, разумеется, ждали продолжения книги, так как автор остановился, как говорится, на самом интересном месте. Но чаяниям любителей истории не суждено было сбыться. Поскольку Г.И. Комиссаров до 1926 г. работал в Уфе, с 1926 по 1931 гг. – в Казани, в Чувашской АССР он не был «вхож» в высокие кабинеты и по этой немаловажной причине никак не мог добиться включения в тематические планы Чувашгосиздата выпуска второй части своей «Истории...». В «Послесловии» к первой книге автор пишет: «Итак, в середине XV в. заканчивается история родоначальников чувашей, начинается история современных чувашей. В дальнейшем мы расскажем историю народа под истинным названием “чăваш (чуваш)”» [Комиссаров 2020: 408].

До Гурия Ивановича, конечно же, доводили информацию о происходившем. Складывается впечатление, что М.П. Петров (Тинехпи) умышленно не привлекал

(скорее всего, убеждал в этом и своих коллег) Г.И. Комиссарова, автора популярнейшей монографии по истории чувашей, даже к обсуждению вопросов об этногенезе чувашского народа. 26 февраля 1925 г. на заседании II сессии Чувашского облисполкома V созыва, а вскоре и 15 марта на заседании Общества изучения местного края (ОИМК) ЧАО М.П. Петров (Тинехпи) прочитал доклад на тему «О происхождении чувашского народа», который в том же году вышел в виде отдельной книги в Чебоксарах. Михаил Петрович в 1922–1926 гг. работал ученым секретарем Чувашгосиздата, и он, вне всякого сомнения, имел решающее слово при утверждении темпланов. В своем же докладе он ни разу не упоминает вышеназванный труд Гурия Ивановича. Такое игнорирование Г.И. Комиссарова как историка привело к тому, что его фамилии не оказалось и среди тех, кому ОИМК направило письма-отношения с просьбой «Высказать Ваше мнение – происходят ли чувашаи действительно от Камских булгар?» Адресатами были академик Н.Я. Марр (Ленинград, ГАИМК), профессора А.М. Селищев (Москва, МГУ), Н.И. Ашмарин (Баку, Азербайджанский университет), Н.В. Никольский (Казань, ВПИ), В.Ф. Смолин (Казань) [ГИА: 333: 1: 4].

М.П. Петров на словах высоко оценивал работу Г.И. Комиссарова: *«Чăваш историкĕсенчен пĕр Г.И. Комиссаров сĕç чăн авалхи чăвашсенĕн чăн авалхи историйĕ çинчен пĕр кĕнеке сырса кăларнă. Вăл кĕнекене вулама-итлеме илемлĕ чĕлхене сырнă, унта чăвашн чăн аваллăхне хытă йĕрлесе çурени курăнать. Анчах унăн пĕр кăлтăк пур: чăвашем пăлхарсенчен пулни çине иккĕленерех пăхни тата чăвашсенĕн аслашиĕсем печенекенсем пулнă тени. Ку пĕртте тĕрĕс пулман. Ана халĕ пурте пĕлесçĕи»* ‘Из чувашских историков лишь один Г.И. Комиссаров выпустил одну книгу о древнейшей истории поистине древнего чувашского народа. Эта книга изложена прекрасным языком, приятным для чтения и слушания, в ней глубоко прослеживается древность чувашей. Но в ней имеется один недостаток: скептическое отношение [автора] к болгарскому происхождению чувашей и утверждение о том, что предками чувашей были печенеги. И это совершенно неверно. Об этом теперь все знают’ [Тинехпи 1928: 24].

Михаил Петрович здесь явно ошибается. И не только. На наш взгляд, он умышленно вводит читателей в заблуждение. Ровно наоборот: Г.И. Комиссаров именно в этом труде, первом из фундаментальных исследований по истории чувашей, *рьяно отстаивает болгарское происхождение чувашского народа*. Как и в очерке «Чуваши Казанского Заволжья», «печенегский вопрос» он рассматривает лишь как одну из версий – наряду с кратким анализом истории многочисленных племен, рядом с которыми либо в союзах с ними когда-то обитали предки чувашей, например, готов, гуннов, аланов, аваров, хазар, хузов, мадьяр, торков, куманов, буртасов, татар, скифов и пр. Вот что он пишет о печенегах: «История не оставила нам книг и других источников, повествующих о том, на каком языке разговаривали печенеги (пѣченек) и торки. Однако ученым давно известно: печенеги и торки – родственные народы, куманы также им родня. Какой язык употребляли куманы, теперь знаем и мы. Итальянский поэт Петрарка оставил записи со словами куманов, он их перевел на латинский (римский) язык; <...> язык, использованный для написания данной книги, схож с языком сибирских татар, турецким языком и языком казанских татар, сходства с чувашским не обнаруживается. Следовательно, куманы не были чувашами. Если печенеги и торки

находились в родстве с куманами, то приблизить чувашей к ним нельзя, значит, *мы не можем сказать, что чувашаи в древности назывались “печенегами”* (курсив наш – прим. авт.) или “торками”» [Комиссаров 2020: 327]. Далее ученый сравнивает современных чувашей с волжско-камскими болгарами.

И именно болгарам (и камско-волжским, и дунайским) Г.И. Комиссаров посвящает подавляющую часть своего исследования, тем самым являя себя приверженцем (добавили бы даже апологетом) теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности. Вот что он пишет об эпитафиях на средневековых надгробиях болгар: «Эти болгарские слова почти тождественны чувашским. Некоторые из них немного отличаются от чувашских эквивалентов, но это никак не противоречит версии о том, что *древние болгары разговаривали на чувашском языке* (курсив наш – прим. авт.), потому что ни один язык не стоит на месте, все они постоянно меняются. Со времени написания надгробных эпитафий прошло 600–700 лет. За этот период, безусловно, чувашский язык заметно трансформировался. <...> Таким образом, чувашаи – потомки волжских болгар, историки именно чувашей именовали “пӑлхар”; по сравнению с обитавшими в Поволжье другими племенами болгары более всего примыкают к чувашам. Поэтому мы болгар можем называть “предками чувашей”. Эту гипотезу принимают русские ученые В.Н. Татищев, В.[В.] Радлов, Н.И. Ильминский, А.[А.] Куник, [А.И.] Артемьев, И.Н. Смирнов, Н.И. Ашмарин, Н.Н. Фирсов, Н.В. Никольский и др. Гипотезу о болгарском происхождении чувашского народа в своей книге “Болгары и чувашаи” доказательно обосновал Н.И. Ашмарин. <...> С приходом татар огромное число болгаро-чувашей погибло в нескончаемых войнах» [Комиссаров 2020: 335–336]. Историк утверждает, что чувашский народ, кроме болгарского, содержит в себе компоненты буртасского, эрзянского, мишарского, черемисского, вотякского народов. «А компонент чувашского (болгарского) народа больше всего сохранился в казанских татарах, определенную долю занимает в русском, черемисском, вотякском народах. Поэтому к истории чувашей в полной мере мы можем добавить историю волжских болгар. *Начало истории чувашского народа станет началом истории болгарского народа*» (курсив наш – прим. авт.) [Комиссаров 2020: 338]; «в конечном итоге земледельческий образ жизни, то, что наши предки не поддались влиянию мулл, не забыли наш коренной болгарский язык, соблюдали старые обычаи, придерживались традиций, все это спасло чувашский народ от гибели. Поэтому мы не должны гордиться знатными и богатыми, вельможными магометанами-болгарами, а должны и обязаны преклоняться перед деревенскими землепашцами-болгарами, истинными нашими соплеменниками» [Комиссаров 2020: 410]. Этими на первый взгляд высокопарными словами автор завершает первую часть «Истории чувашского народа».

А где же продолжение? В письме от 21 февраля 1968 г. к научному сотруднику ЧНИИ (ныне ЧГИГН) Е.С. Сидоровой, поблагодарив институт за приобретение его рукописного фонда, Гурий Иванович замечает: «Имущества этого было бы в несколько раз больше, если бы мое архивное имущество не подвергалось 5-кратному разгрому в годы разрухи и войны...» [НА ЧГИГН I: 505:8]. Навсегда была утеряна и готовая к печати рукопись второй книги «Истории чувашского народа».

В своих рукописных трудах, таких как «Краткий очерк развития народного образования среди чуваш в дооктябрьский период» [НА ЧГИГН I: 496: 1–73],

«История чувашской письменности и литературы» (1), «История чувашской письменности и литературы» [Комиссаров (Вандер) 2023], Г.И. Комиссаров также непоколебимо выступает как болгарист. Обращаясь к вопросам образования (просвещения) чувашей в далеком прошлом, исследователь констатирует: «Распространялось ли болгарское образование на тогдашних предков чувашей? Да, распространялось, потому что чувашаи и были болгарским племенем, были неотделимы от болгарского народа, язык и бытовые особенности болгар вообще были похожи на язык и другие особенности чувашей. Только принявшие мусульманскую религию предки чувашей (преимущественно жители городов), подпавшие под иноземное влияние (арабское, позднее – монголо-татарское), изменив одежду и язык свой, превратились в особый народ – в волжских или казанских татар» [НА ЧГИГН I: 496: 5].

Таким образом, М.П. Петров (Тинехпи)⁸ зря и совершенно несправедливо подвергал критике Г.И. Комиссарова за его якобы «приверженность в печенегскому происхождению чувашей». К сожалению, эта заведомо ложная константа не была исправлена историком В.Д. Дмитриевым в обширной статье о жизни и деятельности М.П. Петрова (Тинехпи) [Дмитриев 1990], он лишь ограничился приведением известной нам цитаты Михаила Петровича о «печенегской версии» Г.И. Комиссарова. Между тем Василий Дмитриевич, как правило, всегда трепетно относился к всевозможным ярлыкам по отношению к той или иной исторической персоне. Здесь как-то не сложилось...

Е.П. Погодин считает Г.И. Комиссарова «основоположником чувашского философско-исторического миропонимания», который в книге «История чувашского народа» «охарактеризовал болгарский и золотоордынский периоды истории чувашей» [Погодин 1999: 71]. Однако приходится с сожалением констатировать, что и мировоззрение, и научные принципы историка Г.И. Комиссарова, и его монография «История чувашского народа», хотя она была трижды переиздана в постсоветское время, и его рукописные сочинения до сих пор остаются вне объективного анализа чувашских историков.

Выводы

Таким образом, в своих исследованиях Г.И. Комиссаров последовательно выступает как приверженец теории болгарского происхождения чувашского народа. Если в первой своей научной работе – историко-этнографическом очерке «Чуваши Казанского Заволжья» – им данной проблеме уделено не так много места, то в первой в науке систематизированной работе по истории чувашей он представил четко выверенную концепцию этногенеза, взяв за основу труды известных историков, этнографов, тюркологов В.Н. Татищева, В.В. Радлова, Н.И. Ильминского, А.А. Куника, А.И. Артемьева, И.Н. Смирнова, Н.И. Ашмарина, Н.Н. Фирсова, Н.В. Никольского и др. Монография Г.И. Комиссарова «Исто-

⁸ Литературовед Ю.В. Яковлев один из разделов своей работы назвал «М.П. Петров-Тинехпи как иезуит» и рассуждает, что «на бытовом уровне это слово обозначает изощренную хитрость, коварство, интриганство» – Яковлев Ю.В. Чувашский мир. Личное мнение // URL//<https://Chuvash.Org> (02.06.2024).

рия чувашского народа», написанная на чувашском языке, в 1920-е гг. считавшаяся настольной книгой начинающих историков и любителей древности, в дальнейшем оказалась в «спецхране». В постсоветский период это сочинение выдержало несколько переизданий. В настоящее время чувашские историки и этнографы занимаются подготовкой и выпуском пятитомного собрания сочинений Г.И. Комиссарова.

Литература и источники

- ГИА ЧР – Государственный архив Чувашской Республики. Ф. 333. Оп. 1. Д. 4. {State Archive of the Chuvash Republic. Fund 333. Inventory 1. Case 4.}
- Димитриев 1990 – *Димитриев В.Д.* М.П. Петров: жизнь и научная деятельность // Историко-этнографические исследования в Чувашской АССР. Сб. статей. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. – С. 3–33. {*V.D. Dimtriyeu.* M.P. Petrov: Life and Scholarly Activity // Historical and Ethnographic Studies in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic: collection of articles. – Cheboksary: ChRILLHE (Chuvash Research Institute of Language, Literature, History, and Economics), 1990. – Pp. 3–33.}
- Каховский 2017 – *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. 4-е изд., перераб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017 – 464 с. {*V.F. Kakhovskiy.* Origin of the Chuvash People. 4th edition, revised. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2017 – 464 p.}
- Комиссаров (Вандер) 2023 – *Комиссаров (Вандер) Г.И.* История чувашской письменности и литературы (1) // Собрание сочинений: в 5 т. Т. I. – Чебоксары: «Типография 7», 2023. – С. 377–432. {*G.I. Komissarov (Vander).* History of Chuvash Writing and Literature (1) // Collected works: in 5 vol. Vol I. – Cheboksary: “Typography 7”, 2023. – Pp. 377–432.}
- Комиссаров (Вандер) 2023 – *Комиссаров (Вандер) Г.И.* История чувашской письменности и литературы // Собрание сочинений: в 5 т. Т. I. – Чебоксары: «Типография 7», 2023. – С. 433–521. {*G.I. Komissarov (Vander).* History of Chuvash Writing and Literature // Collected works: in 5 vol. Vol I. – Cheboksary: “Typography 7”, 2023. – Pp. 433–521.}
- Комиссаров 2020 – *Комиссаров Г.И.* История чувашского народа. Пер. на русс. яз. А.П. Леонтьева // Г.И. Комиссаров (Вандер). Избранные сочинения. Кн. вторая. – Чебоксары: «Новое время», 2020. – С. 293–410. {*G.I. Komissarov.* History of the Chuvash people. Translation into Russian by A.P. Leonti(y)ev // G.I. Komissarov (Vander). Selected works. Book two. – Cheboksary: “the New Time”, 2020. – Pp. 293–410.}
- Комиссаров 1911 – *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья // Известия ОАИЭ. – Т. XXVII. – Вып. 35. – Казань: Типо-литография Казан. импер. ун-та, 1911. – С. 311–432. {*G.I. Komissarov.* Chuvash of the Kazan Trans-Volga Region // News of the Society of Archeology, History, and Ethnography. – Vol. XXVII. – Iss. 35. – Kazan: Typo-lithography of the Kazan Imperial University, 1911. – Pp. 311–432.}
- НА ЧГИГН – Научный архив чувашского государственного института гуманитарных наук. – Отд. I. Ед. хр. 496; 505; отд. V. Ед. хр. 76. {Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. – Archive I. Storing unite 496; 505; Archive V. Storing unite 76.}
- Погодин 1999 – *Погодин Е.П.* Об историзме в изучении истории чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1999. – С. 71–87. {*Ye.P. Pogodin.* On Historicism in the Study of the History of the Chuvash People // National problems in the Development of the Chuvash People: a collection of articles. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 1999. – Pp. 71–87.}
- Кели 1930 – *Кели.* Чăваш пролеттари писатĕлĕсен IV сĕсĕн историри вырăнĕ // Сунтал. – 1930. – 9 №. – С. 21–26. [*Кели.* Место в истории IV съезда чувашских пролетарских писателей // Сунтал [Наковальня]. – 1930. – № 9. – С. 21–26.] [*Keli.* Place in the History of the 4th Congress of Chuvash Proletarian Writers // Suntal. – 1930. – No. 9. – Pp. 21–26.}
- Комиссар 1930 – *Комиссар Курийĕ.* Библиография // Халăха вĕрентес ĕс. – 1930. – 7–8 № – Июль–август. – С. 39–43. [*Комиссаров Гурий.* Библиография // Народное образование. – 1930. – № 7–8.

– С. 39–43.] {*Komissar, Kuriyë* [*Komissarov, Guriy*]. Bibliography // Public Education. – 1930. – No. 7–8. – Рр. 39–43.}

Комиссаров 1921 – *Комиссаров Г.И.* Чăваш халăхĕн историйĕ (История чувашского народа). На чувашском языке. – Казань: Чуваш. отделение гос. изд-ва, Казан. подотделение, 1921. – 111 с. [*Комиссаров Г.И.* История чувашского народа. На чувашском языке. – Казань: Чуваш. отделение гос. изд-ва, Казан. подотделение, 1921. – 111 с.] {*G.I. Komissarov.* History of the Chuvash People. In the Chuvash Language. – Kazan: Chuvash Branch of the State Publishing House, Kazan subdivision, 1921. – 111 p.}

Тинехпи 1928 – *Тинехпи Петър Михали.* Чăваш историйĕ сĕнчен. Кĕскен каласа кăтартни. Малтанхи пайĕ. Ч. 1. – Шупашкар: Чăваш кĕнеки уйрăмĕ, 1928 – 121 с. [*Тинехпи П.М.* О чувашской истории. Часть 1. – Чебоксары: Отдел чувашской книги, 1928. – 121 с.] {*P.M. Tinekhpi.* About Chuvash History. Part 1. – Cheboksary: Department of Chuvash Books, 1928. – 121 p.}